

Эрих Фромм Проблема смысла жизни

Никогда еще человек не подходил так близко, как сегодня, к осуществлению своих самых заветных надежд. Наши научные открытия и технические достижения приближают время, когда стол будет накрыт для всех голодных, когда человечество преодолет разобщенность и станет единым.

Понадобились тысячелетия, чтобы раскрылись интеллектуальные способности человека, чтобы он научился разумной организации общества и концентрации сил. Человек создал новый мир, со своими законами и своей судьбой. Оглядывая свое творение, он может сказать: воистину, это хорошо. Но что он скажет в отношении самого себя? Приблизился ли он к осуществлению другой мечты человеческого рода - совершенству самого человека? - Человека, любящего ближнего своего, справедливого, правдивого и осуществляющего то, что он есть потенциально, как образ божий? Неловко даже задавать этот вопрос - ответ слишком ясен. Мы создали чудесные вещи, но не смогли сделать из себя существ, которые были бы достойны громадных усилий, затраченных на эти вещи. В нашей жизни нет братства, счастья, удовлетворенности; это - духовный хаос и мешанина, близкие к безумию, - причем не к средневековой истерии, а скорее к шизофрении - когда утрачен контакт с внутренней реальностью, а мысль отделилась от аффекта.

Обратим внимание лишь на некоторые события, о которых сообщают утренние и вечерние газеты. В связи с засухой в церквях читают молитвы о дожде; одновременно дождь пытаются вызывать химическими средствами. Уже больше года сообщают о летающих тарелках: одни утверждают, что летающие тарелки не существуют, другие - что они реальны и представляют собой новейшее вооружение - наше собственное либо иностранное; третьи всерьез толкуют, будто это машины, присланные инопланетянами. Нам твердят, что никогда еще перед Америкой не открывалось такого блестящего будущего, как сегодня, в середине двадцатого столетия; но на той же странице обсуждается возможность войны, и ученые спорят, уничтожит атомное оружие нашу планету или нет. Люди ходят в церковь и внимают проповедям любви и милосердия; и те же самые люди посчитают себя болванами или еще чем похуже, если хоть на мгновение усомнятся, а стоит ли продавать товары по цене, недоступной для покупателя.

Ребятушек учат в воскресной школе, что честность, прямота, забота о душе должны служить главными ориентирами в жизни, в то время как "жизнь учит", что следование этим принципам делает из нас в лучшем случае беспочвенных мечтателей. У нас имеются невероятные возможности в сфере коммуникаций - печать, радио, телевидение; но нас ежедневно потчуют бессмыслицей, которая показалась бы оскорбительной даже для детского ума, если бы дети не были вскормлены на ней. Провозглашается, что наш образ жизни делает нас счастливыми. Но много ли людей сегодня счастливы? Вспомним недавний снимок в журнале "Лайф" на углу улицы несколько человек ждут зеленого света. Поразительно и страшно - но эти оглушенные и

испуганные люди не свидетели катастрофы, а обычные, спешащие по своим делам горожане. Мы цепляемся за мысль, будто мы счастливы; учим детей, что наше поколение прогрессивнее любого другого, жившего до нас, что рано или поздно ни одно наше желание не останется неисполненным и не будет ничего недостижимого. Происходящее, похоже, подтверждает эту веру, которую в нас без конца вбивают.

Но услышат ли наши дети голос, который скажет им, куда идти и зачем жить? Каким-то образом они чувствуют, как и все человеческие существа, что жизнь должна иметь смысл, - но в чем он заключается? Ведь не в противоречиях же он, не в двуличии и циничной покорности, встречающихся на каждом шагу? Они тянутся к счастью, истине, справедливости, любви, преданности; но можем ли мы ответить на их вопросы? Мы столь же беспомощны, как и дети. Мы не знаем ответа, потому что даже забыли, что существует такой вопрос. Мы притворяемся, будто наша жизнь имеет надежный фундамент, и не обращаем внимания на преследующие нас беспокойство, тревогу, замешательство.

Для одних выход - в возврате к религии: не с тем, чтобы уверовать, но чтобы спастись от невыносимого сомнения; они решаются на это не из благочестия, но ради безопасности. Исследователь современной ситуации, изучающий человеческую душу, - а не церковь - видит в этом шаге симптом нервного расстройства.

На тех, кто пытается найти выход в возвращении к традиционной религии, оказывают влияние взгляды церковников, согласно которым мы вынуждены выбирать одно из двух: либо - религия, либо - образ жизни, где мы проявляем заботу лишь об удовлетворении инстинктивных нужд и о материальном комфорте; если мы не верим в бога, у нас нет причины - и права - верить в душу и ее запросы. Выходит, что профессионально только священники и занимаются душой, только они говорят от имени идеалов любви, истины, справедливости. Но так было не всегда. Хотя в некоторых культурах, например в Египте, жрецы действительно являлись "целителями души", в других - например, в Греции - эту функцию, по крайней мере частично, выполняли философы. Сократ, Платон, Аристотель в заботе о человеческом счастье и душе опирались не на откровение, а на авторитет разума. Они считали человека целью в себе и важнейшим предметом изучения. В их трактатах по философии и этике одновременно разбирались и психологические вопросы. Античная традиция была продолжена в период Возрождения, и характерно, что первая книга, в названии которой использовано слово *psychologia*, имела подзаголовок "Noscit de Perfectione Hominis" ("Сие о совершенствовании человека"). В эпоху Просвещения данная традиция достигла своей вершины. Веря в разум, философы-просветители утверждали, что человек должен быть свободен как от оков политических, так и от оков предрассудка и невежества. Они призывали к уничтожению условий существования, порождавших иллюзии, а психологические исследования были нацелены у них на выявление предпосылок человеческого счастья. Условием счастья, говорили они, является внутренняя свобода человека; только в этом случае он может быть здоров душой. Однако впоследствии характер рационализма .Просвещения резко изменился. Опьянев от материального процветания и успехов в покорении природы, человек перестал считать самого себя первой заботой - и в жизни, и в теоретическом исследовании. Разум, как средство обнаружения истины и проникновения сквозь поверхность явлений к их сущности, уступил место интеллекту - простому инструменту для манипулирования вещами и людьми. Человек разуверился в

способности разума установить правильность норм и идеалов человеческого поведения. Это изменение интеллектуальной и эмоциональной атмосферы оказало глубокое воздействие на развитие психологии как науки. Если не брать исключительные фигуры, такие, как Ницше и Кьеркегор, психология, как исследование души, нацеленное на достижение добродетели и счастья, исчезла. Академическая психология, пытаясь имитировать естествознание с его лабораторными методами взвешивания и измерения, занималась чем угодно, но только не душой. Изучая человека в лаборатории, она утверждала, что совесть, ценностные суждения, знание добра и зла суть метафизические понятия, выходящие за пределы психологической проблематики, и чаще всего решала мелкие проблемы, соответствовавшие принятому "научному методу"; и она не выдвинула никаких новых методов для исследования важнейших человеческих проблем. Тем самым психология как наука утратила свой главный предмет - душу; она стала заниматься "механизмами", формированием реакций, инстинктами, но обходила наиболее специфические для человека феномены: любовь, разум, совесть, ценности. Я употребляю слово "душа", а не "психика" или "сознание", потому что именно оно ассоциируется с этими высшими человеческими силами. Затем появился Фрейд, последний великий представитель рационализма Просвещения и первый, кто показал его ограниченность. Он осмелился прервать песни триумфа, которые распевал чистый интеллект. Фрейд показал, что разум - ценнейшее и человечнейшее из качеств человека - сам подвержен искажающему воздействию страстей, и только понимание этих страстей может освободить разум и обеспечить его нормальную работу. Он показал как силу, так и слабость человеческого разума и возвел в руководящий принцип новой терапии слова "Истина сделает вас свободными". Вначале Фрейд думал, что занимается некоторыми формами болезни и их лечением, однако постепенно осознал, что вышел далеко за пределы медицины, возобновив традицию, согласно которой психология, как изучение человеческой души, является теоретической основой для искусства жизни и достижения счастья.

Метод Фрейда - психоанализ сделал возможным самое тонкое и интимное исследование души. "Лаборатория" аналитика не оснащена приборами, он не может взвесить или просчитать свои открытия, но он обладает способностью проникать - сквозь сны, фантазии и ассоциации - в скрытые желания и тревоги пациентов. В своей "лаборатории", опираясь лишь на наблюдение, разум и собственные переживания, он обнаруживает, что душевную болезнь нельзя понять, не обращаясь к моральным проблемам; что пациент болен, потому что пренебрегал нуждами души. Аналитик - не теолог или философ и не претендует на то, что компетентен в этих областях; но в качестве врачевателя души аналитик занимается теми же проблемами, что и философия и теология - душой человека и ее исцелением.

Определив задачи психоаналитика, мы обнаруживаем, что в настоящее время изучением души профессионально занимаются две группы: священники и психоаналитики. Каковы их взаимоотношения? Притязает ли психоаналитик на то, чтобы занять место священника, и неизбежна ли вражда между ними? Или же они - союзники, которые должны дополнять друг друга и оказывать друг другу теоретическую и практическую помощь?

Первый взгляд выражен как психоаналитиками, так и представителями церкви.

"Будущее одной иллюзии" Фрейда и "Покой души" Шина ставят ударение на моменте

оппозиции, для трудов К. Юнга и Равви Либмана характерны попытки примирить психоанализ и религию. Тот факт, что значительная часть священников изучает психоанализ, показывает, насколько глубоко идея союза психоанализа и религии проникла в сферу их практической деятельности.

Иллюстрацией неудачного способа обращения с предметом служит утверждение монсиньора Шина в его "Покое души" (Sheen. Peace of Soul. Whittlesey House, 1949). Он пишет: "Когда Фрейд это написал, он навязал теории иррациональный предрассудок: "Маска пала: он [психоанализ] ведет к отрицанию бога и этического идеала" (Freud S. The Future of an Illusion, стр. 64). По Шину, выходит, что цитируемое утверждение принадлежит Фрейду. Но если обратиться к оригинальному тексту, мы увидим, что перед цитируемым Шином предложением идет следующий текст: "Если же я теперь выступлю с такими нежелательными суждениями, всякий очень легко перенесет свою злобу с меня на психоанализ. Теперь-то, скажут, мы видим, куда ведет психоанализ! (курсив мой. - Э. Ф.). Маска пала, - к отрицанию бога и нравственного идеала; мы всегда это подозревали! Чтобы скрыть от нас истину, нас морочили, что психоанализ не имеет философской позиции и не может ее иметь!" Ясно, что Фрейд выражает не собственное мнение, а говорит о том, что люди будут нападать на психоанализ. Искажение здесь в том, что Фрейд якобы отрицает не только бога, но и этический идеал. Конечно, монсиньор Шин вправе верить, что отрицание бога ведет к отрицанию этических идеалов, но он не вправе приписывать такие взгляды Фрейду. Если бы монсиньор Шин целиком привел цитату, оставив слова "мы всегда это подозревали" или указав на то, что они выпущены, читатель не был бы так легко введен в заблуждение. Принимаясь за обсуждение проблемы отношения религии и психоанализа, я хочу показать, что альтернатива "непримиримая противоположность - либо тождество интересов" является ложной; тщательное и беспристрастное обсуждение вопроса обнаруживает, что отношение между религией и психоанализом слишком сложно, чтобы его можно было втиснуть в эту простую и удобную альтернативу.

Неправда, что мы должны отказаться от заботы о душе, если не придерживаемся религиозных воззрений. Психоаналитик обязан изучать человеческую реальность, которая скрывается и за религией, и за нерелигиозными символическими системами. Он понимает, что весь вопрос не в том, возвратится ли человек к религии и вере в бога, но в том, живет ли он в любви и мыслит ли он по истине. Если это так, то употребляемые им символические системы второстепенны. Если же нет, то они вообще не имеют значения.